

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.135.13>

ФЕНОМЕН ЯЗЫКА И РИТОРИКИ В ПОЛИТИКЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ СМИ КАК
ИНСТРУМЕНТ МАССОВОГО УБЕЖДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Научная статья

Нурутдинова А.Р.^{1,*}, Исмагилова Г.К.², Туганова С.В.³, Вагнер К.Р.⁴, Гагарина В.Р.⁵, Дмитриева Е.В.⁶

¹ ORCID : 0000-0001-5759-0820;

² ORCID : 0000-0003-0442-5770;

³ ORCID : 0000-0002-3908-7508;

⁴ ORCID : 0000-0001-8558-4970;

⁵ ORCID : 0000-0003-4533-3442;

⁶ ORCID : 0000-0001-6900-9378;

¹ Эмиссар «Международный институт языков и культур», Казань, Российская Федерация

^{2,3,4,5} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

⁶ Казанский Государственный Энергетический Университет, Казань, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (gla.inlac[at]gmail.com)

Аннотация

У всех политиков есть одна удивительная общая черта: влиять на людей с помощью «магии языкового манипулирования». На протяжении мировой истории исследователи были «очарованы» яркими словами – речами, лозунгами, девизами и политическими уловками, – которые использовали СМИ, чтобы склонить аудиторию к масштабным действиям, от вопросов войны и мира до определения национальной идентичности. Анализ роли СМИ позволяет утверждать, что средства массовой информации являются практически единственным средством общения политических лидеров и народных масс. Статья посвящена исследованию лингвистических средств, используемых в СМИ с точки зрения возможностей лингвистической манипуляции. В 1984 году Джордж Оруэлл прославился словами о том, как лидеры меняют лексические обороты, формируя «правильные» мыслительные процессы масс. Действительно, существует ли возможность использовать язык в качестве инструмента массового убеждения, и насколько легко этого добиться? В качестве теоретической базы использовались исследования конца XX – начала XXI века, посвященные политическому дискурсу. В рамках методологии применялся дискурс-анализ аутентичных материалов, опубликованных в СМИ. В процессе работы авторы опирались на практическую прагматику текста. В качестве одного из выводов, к которым пришли авторы: лингвистические манипуляции следует рассматривать как эффективный инструмент СМИ в политической риторике.

Ключевые слова: массовое убеждение, лингвистическая манипуляция, речь СМИ, эмоциональная идентичность, критический дискурс-анализ, социально-когнитивный подход, концептуальный и дискурсивный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ.

THE PHENOMENON OF LANGUAGE AND RHETORIC IN POLITICS: LINGUISTIC MANIPULATION BY THE
MEDIA AS AN INSTRUMENT OF MASS PERSUASION (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND ENGLISH)

Research article

Nurutdinova A.R.^{1,*}, Ismagilova G.K.², Tuganova S.V.³, Vagner K.R.⁴, Gagarina V.R.⁵, Dmitrieva E.V.⁶

¹ ORCID : 0000-0001-5759-0820;

² ORCID : 0000-0003-0442-5770;

³ ORCID : 0000-0002-3908-7508;

⁴ ORCID : 0000-0001-8558-4970;

⁵ ORCID : 0000-0003-4533-3442;

⁶ ORCID : 0000-0001-6900-9378;

¹ "Global Ambassadors" The International Institute of Languages and Cultures, Kazan, Russian Federation

^{2,3,4,5} Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

⁶ Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation

* Corresponding author (gla.inlac[at]gmail.com)

Abstract

All politicians have one surprising thing in common: influencing people through the "magic of linguistic manipulation". Throughout world history, researchers have been "mesmerized" by the vivid words – speeches, slogans, mottos and political tricks – that the media have used to induce audiences to take large-scale action, from issues of war and peace to the definition of national identity. Analysing the role of the media allows to argue that the mass media is virtually the only means of communication between political leaders and the masses. The article is dedicated to the study of linguistic means used in mass media from the point of view of possibilities of linguistic manipulation. In 1984, George Orwell became famous for saying how leaders change lexical turns to shape the "correct" thought processes of the masses. Indeed, is it possible to use language as an instrument of mass persuasion, and how easy is it to achieve? Research from the late twentieth and early twenty-first century on political discourse was used as a theoretical framework. The methodology applied discourse analysis of authentic

materials published in the media. In the process, the authors were based on the practical pragmatics of the text. As one of the conclusions reached by the authors: linguistic manipulation should be considered as an effective tool of mass media in political rhetoric.

Keywords: mass persuasion, linguistic manipulation, media speech, emotional identity, critical discourse analysis, socio-cognitive approach, conceptual and discourse analysis, comparative and contrastive analyses.

Введение

Вопрос истины – самый фундаментальный из всех вопросов о целесообразности использования языка. Процесс коммуникации предполагает отсутствие сговора между собеседниками, что логически исключает все формы обмана, а не только пропозициональную ложь. Поэтому ложь в широком понимании является достойным объектом изучения лингвистов, и это необходимо в то время, когда ложь культивируется как искусство. Сегодня ряд лингвистов начали исследовать ложь, скрытую в составе вводных предложений, исключений, косвенных оборотов, а также грубых и жаргонных элементов в лексиконе.

Политические фразы, намеренно созданные для того, чтобы убедить и побудить к определенному выбору, при этом не обязательно использовать сложные слова, чем они проще, тем эффективнее. В политической действительности, язык обладает символизмом и является одновременно основным средством социального конструирования реальности, которое способствует формированию определенных ситуаций, социальных ролей, идентичностей и межличностных отношений [1], [2], и ключевым средством в искусстве убеждения, являясь тем самым основой политического ораторского искусства [3].

«Язык – важная сила в формировании политики», – утверждает Дэниел Т. Роджерс, который рассматривает американский политический язык на протяжении всей истории как «поле боя, где слова – это оружие, которое используется на поле боя» [4]. Политическая риторика, направленная на воздействие общественным мнением, может быть крайне жестокой. В последнее время становится очевидным, а именно: чем тоньше происходит манипуляция языковыми средствами и чем ненавязчиво становится слово-оружие, тем коварнее его воздействие на ничего не подозревающую общественность.

До популярности идеи политического двусловия Джорджа Оруэлла, им умело пользовались политики более раннего периода в своих пламенных речах и пропагандистских усилиях. В 1972 году американский историк Генри Стил Коммагер отметил следующее:

«Corruption of language is a special form of deception which [the Nixon] Administration, through its Madison Avenue mercenaries, has brought to a high level of perfection. Bombing is “protective reaction”, precision bombing is “surgical strikes”, concentration camps are “pacification centers” or “refugee camps” ... Bombs [...] dropped on one of your own villages are excused as “friendly fire”; a bombed house becomes automatically a “military structure”» (Коррупция языка – это особая форма обмана, которую администрация [Никсона] через своих наемников с Мэдисон-авеню довела до высокого уровня совершенства". Бомбардировки – это "защитная реакция", высокоточные бомбардировки – "стратегические удары", концентрационные лагеря – "центры умиротворения" или "лагеря беженцев"... Бомбы [...], сброшенные на одну из ваших собственных деревень, оправдываются как "дружественный огонь"; разбомбленный дом автоматически становится "военным объектом").

Следует заметить, что в большинстве случаев эти «языковые махинации» скрываются за простыми номинативными соединениями, которые гораздо труднее расшифровать, чем длинное предложение или фразу. В последние годы для контроля над общественным мнением и коммуникацией очень важно «создание фрейма» – эффективное использование языка для определения вопросов и рассказа истории, требующей внимания. Цифровая эпоха и «сговорчивые» средства массовой информации облегчили политикам задачу превращения тщательно продуманной новой фразы в популярный, часто повторяемый термин.

Мир политики изобилует «аутентичными» историями, в которых используются красиво снятые изображения, символизм и язык для создания эмоционального повествования. Следовательно, лингвистические методы массового убеждения стали более сложными, чтобы соответствовать вызовам все более циничной публики. Теперь убеждения должны казаться подлинными, а не преднамеренно манипулятивными. К примеру, вы могли заметить, что мир политики изобилует «подлинными» историями, в которых используются тщательно смонтированные образы, символические элементы и язык для создания эмоциональных повествований. Язык может тонко выстроить сюжет, но что потом? В действительности здесь используется «коварный риторический трюк», который мы часто не замечаем, но хитрость заключается в том, что повествование отходит на второй план, а все эти обрамленные «истории» становятся своеобразным «крючком», по которому мы мысленно определяем развязку.

«Убеждение с помощью намеков» может выглядеть размытым способом, но современная действительность уже приучила нас воспринимать пропущенную информацию именно так, как мы должны это делать. Рассмотрим такие конструкции, как

«На 20% больше/тише/чище/больше/быстрее!» [20% more/quieter/cleaner/bigger/faster!] (чем что?).

Все является сравнениями, которые на самом деле ни с чем не сравниваются; они являются грамматически незаконченными фразами, и аккуратно подталкивают к ожиданиям, которые мы восполняем собственными словами в рамках новых повествований, которые (как нам кажется) полностью контролируемыми нами, но не являющемся таковым.

В политическом языке также эффективно используется создание сюжета, а затем, по выражению Лакоффа, аудитория должна «заполнить» пустующие места. Политическая лексика использует невысказанные «крючки» двумя способами: *создание эмоционального повествования и стремление к лингвистическому воплощению*. Фактически, вы становитесь героем политического сценария «Выбери свое», где все варианты выбора уже расписаны для вас.

Рассмотрим печально известный меморандум GOPAC 1994 года «Язык: Ключевой механизм контроля» (в котором показано, что циничное использование оружия политического языка живет и процветает). Меморандум содержит

список положительных и отрицательных слов, которые члены республиканской партии должны использовать по отношению к союзникам и оппонентам. В документе содержатся «заезженные» слова, такие как «провал» или «кризис», однако есть и более нейтрально звучащие слова, такие как «глубже» или «они» и «их».

Почему же эти безобидные слова, которые прошли тестирование в фокус-группах на предмет их эффективности, считаются полезным «словесным оружием»?

Именно эту «зону» базовых ценностных установок, и ассоциируемых с ними образов и эмоциональных умозаключений политический язык стремится использовать с помощью новых терминов. В публикации «Истина – это лингвистический вопрос» Дуайт Болинджер [22] описывает, как лингвистические стратегии, позволяющие искусно упускать информацию, используются в массовом убеждении. Определенные слова, такие как невинные местоимения (они, он, им) в меморандуме GOPAC, могут быть манипулируемы и превращены в негативные в правильном контексте. В области политики часто слышим расплывчатые, но тревожные заявления, как

«они говорят...», «они собираются сказать вам...» или «они ненавидят наши ценности...». Но кто они?

В действительности мы не знаем, но мы заполняем их в соответствии с нашими собственными социальными предубеждениями, и – при правильном подходе – это эффективно с опорой на маркетинговую коммуникацию, в рамках которой производится распространение большинства текущей информации, надолго задерживаемой в памяти людей.

Контекст имеет значение. В словарях слова могут выглядеть «безобидными», но на практике их влияние может быть разным. Чтобы разобраться, как можно манипулировать словом или фразой, нужно понять, какие термины его окружают. Полагаться на помощь словарей не следует, поскольку их формальные определения не допускают никакого подтекста. В словарях трудно кратко изложить идею многовековой давности, зародившуюся в среде, совершенно отличной от нашей, и еще труднее заменить эту идею синонимом. В данном случае, слова «завязаны» на контексте, и необходимо очертить рамки контекста, так выражаясь словами лингвиста Дж. Р. Фёрта [21], *«слово познаётся по компании, в которой оно находится»* [You shall know a word by the company it keeps].

Методы и принципы исследования

В данном исследовании рассматривается язык политической риторики с применением понятия «политика» в его классическом значении, т.е. политика – это «искусство управления государством и властью». Соответственно, в исследовании затрагиваются такие области, как изучение идеологии в лингвистической теории, язык и политика, язык и власть, поэтому теоретический анализ связан с характеристикой и описанием отдельных риторических средств, применяемых в контексте политической деятельности.

Современная прикладная лингвистика использует разнообразные подходы при анализе поведения и действий политика. В качестве метода данного исследования был применен дискурс-анализ, основанный на соответствующих принципах текстового анализа. В рамках исследования были рассмотрены лексические единицы на предмет выявления особенностей риторических средств, применяемых в политическом дискурсе.

Анализ дискурса, хотя и является в первую очередь областью исследования в лингвистике, стал междисциплинарным по своей природе. Таким образом, один из основных акцентов в области изучения языковых аспектов политики делается на лингвистическом тексте, при этом в различной степени учитывается социокультурный аспект (как текст, так и контекст).

Анализируя политический дискурс, мы в первую очередь интересуемся транзакционным или интеракционным характером дискурса, поскольку одна из основных функций языка – передача информации, будь то фактическая и/или пропозициональная. В связи с этим в настоящем исследовании в качестве источника рассматривается вопрос лингвистического манипулирования. Целью данного исследования является анализ отдельных риторических приемов, применяемых в политическом дискурсе, поэтому оно сосредоточено на обсуждении случаев фразеологической аллюзии, метонимии, метафоры наблюдаемых в СМИ.

Одной из первых попыток систематизации приемов информационно-психологического воздействия, явилось описание технологий «большой лжи», широко известных специалистам как «азбука пропаганды»: «приклеивание или навешивание ярлыков» (name calling); «сияющие обобщения» или «блистательная неопределенность» (glittering generality); «перенос» или «трансфер» (transfer); «ссылка на авторитеты», «по рекомендации», «свидетельства» или «свидетельствование» (testimonial); «свои ребята» или «игра в простонародность» (plain folks); «перетасовка» или «подтасовка карт» (card stacking); «общий вагон», «общая платформа» или «фургон с оркестром» (band wagon).

Семь основных приемов были сформулированы в США в конце 30-х годов в Институте анализа пропаганды. Основой для анализа этих приемов во многом послужила практика обработки массового сознания в нацистской Германии; но сейчас нашли широкое применение в рекламно-пропагандистских акциях и в настоящее время активно используются политиками в СМИ.

Язык и мышление связаны между собой посредством межпространственного отображения трёх видов:

1) схематического отображения – когда общие модели, схемы или фреймы используются для структурирования ситуации в контексте с помощью грамматических конструкций;

2) прагматически-функционального отображения – соотносится с двумя категориями объекта, которые соединены прагматической функцией. Например, авторы ассоциируются со своими книгами, пациенты – со своими болезнями. Данный вид отображения основывается на синекдохе и метонимии;

3) проекционного отображения – базируется на метафоре и многих других стилистических приемах и осуществляется за счёт перехода из сферы-источника в сферу-мишень.

Все эти отображения происходят неосознанно и автоматически.

Вопросы идеологии в лингвистической теории

Согласно Люку [5], понятие идеология относится к системам идей, верований, практик, и представлений, которые действуют в интересах идентифицируемого социального класса или культурной группы. Рассмотрение идеологии в лингвистических теориях осуществляется с позиций дескриптивной лингвистики, социолингвистики, системной лингвистики и этнографии коммуникации.

На теоретическом уровне дескриптивная лингвистика рассматривает исследование языковых средств политики как «синхронный объект изучения», например, Якоб Мей [6]. Идеология не рассматривается как владение умами людей или как свод абстрактных идей, живущих в их сознании; идеология рассматривается как объект, который имеет материальное и социальное существование в языке, тексте и дискурсе.

Ряд теорий социолингвистики рассматривает язык как источник речи, дискурса и текста: под воздействием социального контекста высказывание и/или текст являются выражением индивидуальных целей, которые, как правило, отражают принятые социальные правила, нормы и процедуры. В соответствии с большинством моделей социолингвистика изучает «идеологическую роль дискурса в формировании говорящего субъекта» [7]. Системная лингвистика [8] рассматривает язык как социальную семиотическую систему и акцентирует внимание на существующих:

- 1) отношениях между социальной структурой и языком;
- 2) отношениях между развитием языка и его использованием.

По утверждению Майкла Халлидей «не только текст, но и семантическая система [...] характеризуют социальную систему и социальную структуру» [8]. Пешо в своей работе «Язык, семантика и идеология» [9] предлагает анализ прямой связи, существующей между идеологией, дискурсом и языком.

Кресс [10] и Фэрклаф [11] поддерживают идею о том, что политический дискурс «опосредован институтами, которые позиционируют читателей и писателей, ораторов и слушателей в различных позициях власти и знания» [11]. Более того, Фэйрклаф утверждает, что идеология представлена через дискурс, и что «дискурс диалогичен, произведен и порождает социальные отношения адресантов и адресатов» [11].

Следовательно, можно утверждать, что политики должны и обязаны следить за использованием языковых средств для общения с перспективной аудиторией. Принимая во внимание вышеизложенное, последующее обсуждение сосредоточено на принципах, относящихся:

- 1) к отношениям между языком и политикой;
- 2) к отношениям между языком и властью.

Язык и политика

В рамках проведения терминологических различий между понятиями «язык» и «политика» в данном исследовании эти понятия рассматриваются с учетом определений, предложенных Чилтоном [12, С. 688-694]. Ученый утверждает, что язык – это «универсальная способность людей во всех обществах общаться, а под полтикой он подразумевает "искусство управления"» [12, С. 688-694]. Соответственно, в данном исследовании язык рассматривается как инструмент для взаимодействия и/или проведения коммуникативных действий в различных ситуациях и/или в различных организациях, условно признанных политической средой.

Общепринято, что стратегия, которую одна группа людей использует для того, чтобы убедить другую группу людей сделать то, что она задумала, известна как лингвистическая стратегия. Стратегия включает в себя манипулятивное применение языка. Таким образом, «лингвистическое манипулирование – это сознательное использование языка коварным способом для контроля над другими» [11, С. 6]. С прагматической точки зрения, лингвистическое манипулирование основано на использовании косвенных речевых актов, которые ориентированы на прелокутивный эффект сказанного. Существует ряд институциональных областей и социальных ситуаций, в которых можно систематически наблюдать лингвистическое манипулирование, например, при перекрестном допросе свидетелей в суде.

Лингвистическое манипулирование можно рассматривать и как влиятельный инструмент политической риторики, так как политический дискурс в первую очередь направлен на то, чтобы убедить людей предпринять определенные политические действия и/или принять важные политические решения. В современных политических обществах для убеждения потенциального электората в средствах массовой информации в основном доминирует политическая тематика, что приводит к созданию новых форм языкового манипулирования (как измененные формы пресс-конференций и заявлений для прессы, обновленные тексты в лозунгах, применение метких фраз, фразовых аллюзий, коннотативных значений слов, сочетание языка и визуальных образов). Таким образом, язык играет важную идеологическую роль, поскольку является инструментом, с помощью которого становятся очевидными манипулятивные намерения политиков.

Язык и власть

Основной особенностью функционирования языка в социальном взаимодействии является его связь с властью, как фактор влияния и средство воздействия. Принято считать, что власть – как фактор влияние, склоняет людей либо к определенному поведению, либо заставляет их придерживаться определенного мнения/отношения, не оказывая на них явного давления. Влияние проявляется в таких социальных сферах, как реклама, культура, СМИ и политика. В отличие от этого, власть инструментальная (то есть средство воздействия) – это явная власть, которая навязывается государством, законами и конвенциями, а также учреждениями и организациями, в которых мы работаем. Инструментальная власть действует в таких социальных сферах, как бизнес, образование, в различных видах управленческой деятельности. В конечном счете, политики вводят законы, налоги и бюрократические системы, то есть используют инструментальную власть. Вместе с тем, они обращаются к нам, чтобы мы поддержали их политику, или призывают избирателей к политической лояльности, навязывая таким образом власть. Возможно, они намерены задействовать средства коллективной власти, чтобы вернуть их в правительственные учреждения, в рамках которых

они будут применять свою исполнительную власть, чтобы направлять или влиять на некоторые важные аспекты нашей жизни. Иными словами, целью политиков является возможность указывать людям, что делать и как жить.

Очевидно, что особенности политического дискурса различны, как и его цели. При взаимодействии политиков с обществом в целом их целями могут быть: убедить избирателей быть лояльными партии и прийти на голосование; заставить людей принять общие политические или социальные установки, чтобы привлечь поддержку для текущей политической ситуации.

Аналогичным образом, политики могут использовать определенные языковые средства. Когда политики вступают в языковое взаимодействие с другими политиками, их дискурс в значительной степени различается. Следовательно, совершенно очевидно, что язык играет важную роль в политике, поскольку его основная функция в различных политических ситуациях заключается в том, чтобы позволить политикам сформировать структурно стабильные социальные отношения. В политической сфере, как уже было сказано выше, существенной областью политического дискурса является лингвистическое манипулирование [11], [12], [13].

По мнению Аткинсона [13], лингвистическое манипулирование является отличительной чертой политической риторики, и в его основе лежит идея убеждения людей, т.е. убеждение людей предпринять политические действия и/или убеждение поддержать партию и/или отдельного человека. В современном обществе политика в основном осуществляется через СМИ, поэтому это приводит к появлению новых форм лингвистического манипулирования. Таким образом, язык, применяемый в политическом дискурсе, использует широкий спектр риторических средств на фонологическом, синтаксическом, лексическом, семантическом, прагматическом и текстовом уровнях, что направлено на создание такого типа языка, который может быть легко принят средствами массовой информации и воспринят целевой аудиторией.

Все лингвистические приемы являются результатом компрессии процесса концептуальной интеграции.

Аллюзия как риторический прием политического дискурса

Фразеологическая аллюзия – это имплицитная ссылка на образ фразеологической единицы, которая представлена в дискурсе одним или несколькими эксплицитными образными компонентами. Французский писатель Шарль Нодье предлагал такое определение: «Намёк, или аллюзия, есть умение к месту привести цитату, придав ей смысл, какого она первоначально не имела». Один из самых распространенных образов связан с войной в Ираке: *weapons of mass destruction* – оружие массового уничтожения; *weapons of mass affection* – оружие массового поражения; *war of attrition* – война на истощение [15].

Аналогично, название драматического события в истории несет в себе полную аллюзивную силу самого события. Сталин говорил: «Социализм не строят в белых перчатках» [15], [18], примерно о том же французы говорят «Революция не делается на розовой воде». Например:

«Революция розовой воды» (Rosewater Revolution) в Ливане; «Революция гвоздик» (1974) (Carnation Revolution) в Португалии; «Революция роз» (2003) (Rose Revolution) в Грузии; «Сиреневая революция» (2009) (Lilac Revolution) в Молдове; «Васильковая революция» (2006) в Белорусии; «Тюльпановая революция» (2005) в Кыргызстане; «Кедровая революция» (2005) (Cedar Revolution) в Ливане; «Жасминовая революция» (Jasmine Revolution) в Тунисе; «Бархатная революция» (1989) (Velvet Revolution) в Чехословакии; «Революция бревен» (1990) (Log Revolution) в Хорватии; «Посудная (кастрюльная) революция» (2008-2009) (Ware Revolution) в Исландии; «Цветные» (Colored) революции: «Желтая революция» (Yellow Revolution) на Филиппинах, «Украинская Оранжевая революция» (Ukrainian Orange Revolution).

Следует отметить, что для понимания самого политического дискурса необходимо иметь как политический кругозор, позволяющий понять ситуативный контекст высказывания, так и владеть иностранным языком на высоком уровне: использование аллюзии предполагает знание факта или осознание контекстуальной ситуации. Обычно слушающему или говорящему не предлагается никакого указания на источник.

Зачастую англоязычные СМИ прибегают к упоминанию о В.В. Путине как супергерое и/или кинообраз героя комиксов – Бэтмана, однако, сравнение происходит в ироничном, даже саркастическом тоне, что не добавляет смысла положительности. Например:

«...in Putin's latest role he is styled as a Bond villain rather than a Bond hero» (The Huffington Post, December 16, 2011);
 «... Putin's image has been carefully crafted as the Russian James Bond, loved by all» (Forbes, December 19, 2011);
 «...Vladimir Putin still pulls the strings in Russia, with President Dmitry Medvedev a more junior figure who "plays Robin to Putin's Batman," US diplomats have said in frank dispatches from Moscow released by WikiLeaks» (The Guardian, December 1, 2010).

Использование данного приема (*Bond villain, the Russian James Bond, Putin's Batman*) позволяет приписать политическому лидеру несколько качеств посредством наглядного примера, знакомого большинству, вероятно, что дополнительной основой к возникновению подобного рода сравнения в данном случае является отсылка к бывшему месту работы российского президента (КГБ), выражаемому посредством выражения *Putin's latest role*.

«with President Dmitry Medvedev a more junior figure who "plays Robin to Putin's Batman"» (намек на главенство в тандеме Путин – Медведев не смотря даже на то, что президентом в это время являлся второй).

С лингвистической точки зрения, аллюзия демонстрирует некоторые важные семантические особенности: первичное значение слова или фразы часто служит «сосудом», в который помещается новое значение; таким образом, получается своего рода взаимодействие между двумя значениями. Общепринято, что основная функция аллюзии – дать косвенную ссылку на исторический, литературный, мифологический факт и/или на факт, важный для определенного сообщества или для определенного сегмента общества.

При описании внешней и внутренней политики российского президента достаточно частотным явлением – это отсылка к мировым лидерам, в особенности, Генерал Пиночет, Сталин, князь Влад Третий (исторический прототип графа Дракулы), царь Иван Грозный. Например:

«Ever since the Soviet Union collapsed nine years ago, Russians have wondered whether their country is ready for Western-style democracy. President Vladimir Putin has an answer: He is edging Russia toward an authoritarian setup that, by design, resembles Chile under dictator Augusto Pinochet» (The Baltimore Sun, January 1, 2001).

Такая характеристика действий Путина создает негативное впечатление на иностранного читателя, фактически он предпринял шаги для ограничения политической монополии, и предпринимает усилия для лишения региональных губернаторов их значительных полномочий и создания независимых СМИ.

«Russian President Vladimir Putin's alleged complicity in the polonium 210 murder of his critic Alexander Litvinenko in London was a carbon copy of Chilean President Augusto Pinochet's complicity in the 1976 car-bombing assassination of his critic Orlando Letelier in Washington» (The Washington Post, January 27, 2016).

В данном примере «предполагаемое участие» (alleged complicity) президента России В.В. Путина в убийстве Александра Литвиненко при помощи Полония – 210, западные СМИ расценили как копию исторического события, когда чилийский президент Аугусто Пиночет был обвинен в убийстве критика Орландо Летелье в Вашингтоне в 1976 году.

«Augusto Pinochet was not only a former head of state, but additionally did not come from a powerful state like Vladimir Putin's Russia, moreover a permanent member of the Security Council and a nuclear power» (INews by Charlie Duffield, April 10, 2023).

Никаких дипломатических последствий для Пиночета со стороны Соединенных Штатов не последовало. Согласно недавно рассекреченной секретной записке, 6 октября 1987 года государственный секретарь Джордж Шульц доложил президенту Рональду Рейгану, что ЦРУ нашло «убедительные доказательства» того, что Пиночет приказал убить Летелье, и что «это вопиющий пример прямого участия главы государства в акте государственного терроризма, который вызывает особую тревогу как потому, что это произошло в нашей столице, так и потому, что его правительство в целом считается дружественным». Соединенные Штаты не подвергли Пиночета изгнанию и не стали относиться к нему как к изгою.

«Intellectuals began to debate the need for a "Russian Pinochet" to defend the market» (Greg Palast, BuzzFlash, March 15, 2022).

Это связано с тем, что среди западных либералов шестнадцатилетняя диктатура Аугусто Пиночета ассоциируется с грубыми нарушениями прав человека, в том числе с ликвидацией более чем трех тысяч правительственных критиков. Генерал Пиночет принял власть в результате государственного переворота в 1973 году. Сравнение с печально известным чилийским лидером в англоязычных СМИ продолжают на протяжении не одной декады:

«Putin urged to apply the Pinochet stick» (The Guardian, Mar 31, 2000);

«Putin's Critics Fear Russia Resembles Pinochet's Chile» (Paul Hofheinz, The Wall Street Journal, July 5, 2000);

«Putin à la Pinochet?» (The Economist, Jun 22, 2000);

«Putin as Pinochet» (The Baltimore Sun, January 1, 2001);

«Putin and Pinochet» (The Washington Times, September 2, 2004);

«How Billionaires Picked Putin as "Russia's Pinochet"» (Greg Palast, BuzzFlash, March 16, 2020);

«How arrest of Pinochet set a precedent that could catch up with Putin» (Charlie Duffield, I-News, April 10, 2023).

Англоязычные СМИ часто используют аллюзии для создания образа «кровавой России». Например:

«...by destroying millions and millions of Soviet citizens at Stalin's orders. Responsible for this dereliction of duty to conscience and human decency is one man – Mr. Putin, a former KGB officer himself» (The Washington Times, September 2, 2004).

Довольно тесно связана смысловая доминанта «Путин – последователь идей Сталина» (...at Stalin's orders. Responsible for this dereliction ... Mr. Putin...) (по мнению англоязычного читателя, изображая Президента как приемника идей СССР как диктатора):

«Responsible for this dereliction of duty to conscience and human decency is one man – Mr. Putin, a former KGB officer himself. Mr. Putin would certainly appreciate one of Stalin's sayings: "One death is a tragedy, a million deaths is a statistic"» (The Washington Times, September 2, 2004).

Автор статьи «Pinochet and Putin» в зарубежном СМИ ставит знак равенства между актами жестокости и насилия и современной политикой В.В. Путина, а уверенное высказывание, что российский президент оценил бы одно из высказываний Сталина: «Одна смерть – это трагедия, миллион смертей – статистика», указывает уверенность журналиста, что российский лидер не остановится на перед чем в процессе достижения своих целей.

В статье «If Cyprus falls into Putin's grip, the West will have lost the first battle in the new Cold War» Эдвард Лукас пишет:

«Putin, who termed the collapse of the Soviet Union the „geopolitical catastrophe of the century“, sees the humiliation of the hated West as the prime goal in his desire to restore Russia's greatness» (The Daily Mail, March 22, 2013).

В данном случае через использование аллюзии Эдвард Лукас намекает, что текущий политический лидер не отказался бы вернуться к политическому режиму, который был в период существования СССР. Англоязычные читатели часто воспринимают сравнение России и СССР негативно, т.к. власти Запада через СМИ критикуют режим СССР. Натянутые отношения между Россией и США, британские СМИ именуют как «потрепанную дружбу», используя при этом яркий эпитет «battered relationship» («battered» – injured by repeated blows). Эдвард Лукас использует эпитет hated в отношении к Западу и метафору Cold War, такие ассоциации вызывают отрицательные эмоции. Задача скрытого языкового воздействия формирует определенное отношение к политическому явлению, и воздействие основано на привнесении в лексическую единицу новых смыслов, коннотаций или на выборе семантически близкого по смыслу слова, содержащего, в зависимости от цели эмоционально-оценочный компонент с мейоративной и/или с пейоративной оценкой.

Усиливая негативный образ В.В. Путина, упоминается имя князя Влада Третьего – исторический прототип графа Дракулы. Ярким примером является характеристика некоторых информационных изданий В.В. Путину:

«*Vlad "the impaler" Putin*» (Mirror, September 14, 2011);

«*Vince Farell: Vladimir "The Impaler" Putin*» (CNBC, September 26, 2011).

Аллюзия с отрицательно известной исторической личностью, который имел прозвище «Сажатель на кол» – складывается определенное негативное представление и возникают ассоциации, создающие второй план при прочтении статьи: почему же российского президента приравнивают к такому опасному человеку, что у них общего?

Сравнение В.В. Путина с известным кровавым режимом царем Иваном IV по прозвищу Грозный воспринимается как жестокий тиран, самодержавный правитель:

«*Putin the Terrible of course, one could reverse his argument: Soviet imperialism was a continuation, not an antecedent, of Russian nationalism. Vladimir Putin and his stooge, President Dmitry Medvedev, have revived a tradition of Russian expansionism that dates back to Ivan the Terrible*» (The New Republic, August 19, 2008);

«*Vladimir Putin and his stooge, President Dmitry Medvedev, have revived a tradition of Russian expansionism that dates back to Ivan the Terrible*» (NBC New York, January 7, 2010);

«*Putin believes Ivan the Terrible is a "great model" for how to run Russia*» (Rhiannon Du Cann, Express UK, Apr 17, 2023);

«*Vladimir Putin is the reincarnation of Ivan the Terrible*» (The Irish Times, Mar 3, 2022);

«*Putin Rehabbed Stalin, Now He's Burnishing the Rep of Ivan the Terrible*» (Anna Nemtsova, Daily Beast, Jan. 14, 2019).

Любой политический лидер, придерживающийся традиций тирана будет восприниматься как отрицательный герой, протагонист демократии и либерализма, именно Иван IV считается первым русским монархом, претендующим на титул царя.

Газеты часто использует аллюзии в своих заголовках:

«*Pie in the sky for teachers / for nurses*» (дословный перевод: пирог в небе для учителей/ медработников).

Большинство людей в Великобритании знают припев песни:

«*You will eat, bye and bye, In that glorious land above the sky; Work and pray, live on hay, You'll get pie in the sky when you die*».

Фраза изначально взята из песни «The Preacher and the Slave» (Проповедник и раб) (1911) шведско-американского рабочего активиста и автора песен Джо Хилла (1879-1915), которую он написал как пародию на гимн Армии спасения «In the Sweet By-and-By» (опубликованный в 1868 году). Песня критикует Армию спасения за то, что она сосредоточена на спасении людей, а не на их материальных нуждах.

В данном случае использование части припева, вероятно, подразумевает, что политические партии или власти не дали ничего, кроме обещаний. Однако, с лингвистической точки зрения, аллюзия *pie in the sky* подразумевает новое значение, т.е. ничего, кроме обещаний. Благодаря частому повторению эта аллюзия функционирует как образный синоним.

«*THREE MUSKETEERS: The three prime ministers... agree...*» [19].

Представленное высказывание, относится к роману «Три мушкетера» писателя А. Дюма, и создает образ того, что три премьер-министра стран действуют как одна дружная, поддерживающая и храбрая команда. Не ограничиваясь словами, визуальные образы могут группироваться вокруг конкретных политических личностей, приобретая тем самым аллюзивный резонанс [20].

Применительно к аллюзиям контекстуальный резонанс имеет большее значение, чем личность автора слов/фраз. Соответственно, можно утверждать, что фразеологическая аллюзия, широко используемая в политической риторике, служит имплицитной ментальной отсылкой к образу фразеологической единицы, представленной в политическом дискурсе одним или несколькими образными компонентами. Использование аллюзии, как одного из суггестивных методов, позволяет задействовать ассоциативность человеческого мышления и имплицитно повлиять на реципиента, принуждая его думать в «удобном» направлении.

В политической риторике фразеологические аллюзии занимают важное место, потому что они:

- 1) используют образ для апеллирования к творческому воображению;
- 2) создают образный язык, который увеличивает возможности литературного языка;
- 3) способствуют представлению успешных образов, подкрепленных высказываниями/утверждениями, которые часто остаются недосказанными, но могут быть немедленно обработаны слушателем или читателем.

Метонимия как риторический прием политического дискурса

Важным конструктивным принципом языка СМИ является сочетание стандарта и экспрессии, так британские СМИ достигают этого с помощью эпитетов, метафор и метонимии, которые встречаются в прессе чаще других лексических единиц.

Метонимии рассматривают как риторический прием, основанный на некой ассоциации, связывающей два понятия. В качестве средства создания образности метонимия ориентируется на конкретные объекты, которые используются в обобщенном значении. В дискурсе метонимическую функцию выполняют эксплицитные образные компоненты фразеологических единиц, тем самым можно предположить, что метонимия как риторический прием, применяемый в политическом дискурсе, обеспечивает устойчивое ассоциативное видение, позволяющее «видеть дальше слов».

Метонимия это замена выражения фактически родственным термином и/или понятием, которое может нести семантическую связь причинно-следственного, пространственного или временного характера. Известно несколько видов замены выражения фактически родственным понятием: замена автор/произведение; замена продукт/материал; место/житель.

Принимая это во внимание, в ходе настоящего исследования были отмечены многочисленные случаи в политическом дискурсе, когда местонахождение какого-либо учреждения используется не только для обозначения самого учреждения или его сотрудников, но и для обозначения его политики, например, The Pentagon, Wall Street, Downing Street, Kremlin и так далее.

Метонимия считается широко используемым риторическим приемом в политическом дискурсе, что объясняет ее постоянное применение в текстах, связанных с политикой:

«Russia says it does not recognise Hague court amid reports of arrest warrants...» (Pjotr Sauer, The Guardian, March, 2023);

«Moscow has said it does not recognise the jurisdiction of the international criminal court in The Hague, after reports that the court is expected to seek its first arrest warrants against Russian individuals» (Pjotr Sauer, The Guardian, March, 2023);

«Moscow is also pulling out of the International Space Committee after 2024 and has threatened to withdraw from the World Trade Organization and the World Health Organization» (Pjotr Sauer, The Guardian, March, 2023);

«The Kremlin has commented on a Bloomberg report that President Donald Trump decided to expel dozens of Russian diplomats from the US over Skripal case» (TASS, March, 2018);

«The Washington expressed solidarity with London...» (TASS, March, 2018).

Заключение

В исследовании предпринята попытка показать, что коммуникация в политических режимах, будь то тоталитарный или демократический, осуществляется с целью информирования, воздействия, принятия постановлений, законодательной деятельности, убеждения и так далее.

Анализ, проведенный в рамках данного исследования, показывает, что диапазон рассматриваемых вопросов очень обширен: от описания лингвистических подходов, используемых для воздействий на мысли и эмоции аудитории, до анализа риторических приемов, применяемых для создания убеждающего и манипулятивного политического дискурса. В связи с вышеизложенным, авторы статьи пришли к следующим выводам:

1. Языковое манипулирование можно рассматривать как влиятельный инструмент политической риторики, поскольку политический дискурс в первую очередь ориентирован на то, чтобы убедить общественность предпринять определенные политические решения;

2. Язык играет важную идеологическую роль, поскольку является инструментом, с помощью которого проявляются манипулятивные намерения политиков;

3. Язык, применяемый в политическом дискурсе, использует широкий спектр риторических средств на фонологическом, синтаксическом, лексическом, семантическом, прагматическом и текстовом уровнях;

4. В современном обществе политика доминирует в средствах массовой информации, что приводит к созданию новых видов языкового манипулирования, например: измененные формы пресс-конференций и заявлений для прессы; обновленные тексты в слоганах; широкое применение крылатых фраз; общее использование обоих риторических приемов: например, фразовых аллюзий, метонимия и метафора, а также коннотативные значения слов; сильная комбинация языка и визуальных образов для убеждения потенциального электората.

Благодарности

Авторы выражают благодарность автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования «Эмиссар» Международного института языков и культур».

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Acknowledgement

The authors express their gratitude to "Global Ambassadors" The International Institute of Languages and Cultures.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Wodak R. The Politics of Fear. What Right-Wing Populist Discourses Mean / R. Wodak. — SAGE, 2015. — 256 p.
2. Wodak R. The Discursive Construction of National Identity / R. Wodak. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. — 350 p.
3. Silverstein M. The Poetics of Politics: "Theirs" and "Ours" / M. Silverstein // Journal of Anthropological Research. — 2005. — Vol. 61. — № 1. — P. 1-24.
4. Charteris-Black, J. Analysing Political Speeches / J. Charteris-Black // Rhetoric, Discourse and Metaphor. — 2014. — № 1. — P. 25-50.
5. Luke A. Ideology in Concise Encyclopaedia of Pragmatics / A. Luke. — London: Elsevier, 1998. — 366 p.
6. Mey J. Whose Language? / J. Mey. — Amsterdam: Benjamins, 1986. — 370 p.
7. Therborn G. The Ideology of Power and the Power of Ideology / G. Therborn. — Cambridge: Polity Press, 1980. — 450 p.
8. Halliday M. Language as Social Semiotic / M. Halliday. — London: Edward Arnold, 1978. — 240 p.
9. Pecheux M. Language. Semantics and Ideology / M. Pecheux. — Oxford: Oxford University Press, 1982. — 114 p.

10. Kress G. Linguistic Processes in Sociocultural Practices / G. Kress. — Oxford: Oxford University Press, 1989. — 128 p.
11. Fairclough N. Language and Power / N. Fairclough. — London: Longman, 1989. — 349 p.
12. Chilton P.A. Politics and Language. In Concise Encyclopaedia of Pragmatics / P.A. Chilton. — London: Elsevier, 1998. — 688 p.
13. Atkinson M. Our Master's Voices. The Language and Body Language of Politics / M. Atkinson. — London: Methuen, 1984. — 360 p.
14. Buraja P. The Linguistic Means of Political Discourse : dis....of PhD in Social and Human Sciences / P. Buraja. — Riga: University of Latvia, 2007. — 250 p.
15. Naciscione A. Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics / A. Naciscione. — Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. — 100 p.
16. Казарина К. Самые необычные названия революций за последние сто лет / К. Казарина // Комсомольская правда. — 2014. — № 1. — URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/26215.4/3098623/> (дата обращения: 22.05.2023).
17. Нурутдинова А.Р. Эмоциональная и эстетическая синхронизация в литературной реальности русской классики / А.Р. Нурутдинова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — № 3(129). — DOI: 10.23670/IRJ.2023.129.23.
18. «Цветные революции» в странах бывшего СССР: как это было // Daily Sabah. — 2018. — № 1. — URL: <https://www.dailysabah.com/russian/world/2018/05/11/цветные-революции-в-странах-бывшего-ссср-как-это-было> (дата обращения: 22.05.2023).
19. Birzulis Ph. Prime ministers give priority to nuclear energy / Ph.p Birzulis // The Baltic Times. — 2006. — № 1. — URL: <https://www.baltictimes.com/news/articles/14751/> (accessed: 25.05.2023).
20. Butler D. Political Allusions / D. Butler, G. Butler // British Political Facts Since 1979. — 2006. — № 2. — P. 293-303. — URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9780230554764_12 (accessed: 25.05.2023). — DOI: 10.1057/9780230554764_12.
21. Firth J.R. Selected Papers of J. R. Firth, 1952-59 / J.R. Firth; Edited by F.R. Palmer. — Bloomington: Indiana University Press, 1968. — 209 p.
22. Bolinger D. Truth Is a Linguistic Question / D. Bolinger // Language. — 1973. — Vol. 49. — № 3. — P. 539-550. — URL: <https://www.jstor.org/stable/412350?mag=political-persuasion-part-2> (accessed: 25.05.2023). — DOI: 10.2307/412350.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Wodak R. The Politics of Fear. What Right-Wing Populist Discourses Mean / R. Wodak. — SAGE, 2015. — 256 p.
2. Wodak R. The Discursive Construction of National Identity / R. Wodak. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. — 350 p.
3. Silverstein M. The Poetics of Politics: "Theirs" and "Ours" / M. Silverstein // Journal of Anthropological Research. — 2005. — Vol. 61. — № 1. — P. 1-24.
4. Charteris-Black, J. Analysing Political Speeches / J. Charteris-Black // Rhetoric, Discourse and Metaphor. — 2014. — № 1. — P. 25-50.
5. Luke A. Ideology in Concise Encyclopaedia of Pragmatics / A. Luke. — London: Elsevier, 1998. — 366 p.
6. Mey J. Whose Language? / J. Mey. — Amsterdam: Benjamins, 1986. — 370 p.
7. Therborn G. The Ideology of Power and the Power of Ideology / G. Therborn. — Cambridge: Polity Press, 1980. — 450 p.
8. Halliday M. Language as Social Semiotic / M. Halliday. — London: Edward Arnold, 1978. — 240 p.
9. Pecheux M. Language. Semantics and Ideology / M. Pecheux. — Oxford: Oxford University Press, 1982. — 114 p.
10. Kress G. Linguistic Processes in Sociocultural Practices / G. Kress. — Oxford: Oxford University Press, 1989. — 128 p.
11. Fairclough N. Language and Power / N. Fairclough. — London: Longman, 1989. — 349 p.
12. Chilton P.A. Politics and Language. In Concise Encyclopaedia of Pragmatics / P.A. Chilton. — London: Elsevier, 1998. — 688 p.
13. Atkinson M. Our Master's Voices. The Language and Body Language of Politics / M. Atkinson. — London: Methuen, 1984. — 360 p.
14. Buraja P. The Linguistic Means of Political Discourse : dis....of PhD in Social and Human Sciences / P. Buraja. — Riga: University of Latvia, 2007. — 250 p.
15. Naciscione A. Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics / A. Naciscione. — Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. — 100 p.
16. Казарина К. Самые необычные названия революций за последние сто лет [The most unusual names of revolutions in the last hundred years] / К. Казарина // kp.ru. — 2014. — № 1. — URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/26215.4/3098623/> (accessed: 22.05.2023). [in Russian]
17. Nurutdinova A.R. Emotsional'naja i esteticheskaja sinhronizatsija v literaturnoj real'nosti russkoj klassiki [The Emotional and Aesthetic Synchronization in the Russian Classics' Literature Reality] / A.R. Nurutdinova // International Research Journal. — 2023. — № 3(129). — DOI: 10.23670/IRJ.2023.129.23. [in Russian]
18. «Cvetnye revoljucii» v stranah byvshego SSSR: kak jeto bylo ["Colored Revolutions" in the Former Soviet Union: How It Was] // Daily Sabah. — 2018. — № 1. — URL: <https://www.dailysabah.com/russian/world/2018/05/11/цветные-революции-в-странах-бывшего-ссср-как-это-было> (accessed: 22.05.2023). [in Russian]
19. Birzulis Ph. Prime ministers give priority to nuclear energy / Ph.p Birzulis // The Baltic Times. — 2006. — № 1. — URL: <https://www.baltictimes.com/news/articles/14751/> (accessed: 25.05.2023).

20. Butler D. Political Allusions / D. Butler, G. Butler // *British Political Facts Since 1979*. — 2006. — № 2. — P. 293-303. — URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9780230554764_12 (accessed: 25.05.2023). — DOI: 10.1057/9780230554764_12.
21. Firth J.R. *Selected Papers of J. R. Firth, 1952-59* / J.R. Firth; Edited by F.R. Palmer. — Bloomington: Indiana University Press, 1968. — 209 p.
22. Bolinger D. Truth Is a Linguistic Question / D. Bolinger // *Language*. — 1973. — Vol. 49. — № 3. — P. 539–550. — URL: <https://www.jstor.org/stable/412350?mag=political-persuasion-part-2> (accessed: 25.05.2023). — DOI: 10.2307/412350.